

Munich Personal RePEc Archive

National champions and the competitive structure of the Russian banking market

Vernikov, Andrei

National Research University Higher School of Economics, Institute of Economics RAS

23 July 2012

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/44965/>
MPRA Paper No. 44965, posted 12 Mar 2013 19:20 UTC

NATIONAL CHAMPIONS AND THE COMPETITIVE STRUCTURE OF THE RUSSIAN BANKING MARKET

Andrei Vernikov,

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; and
Institute of Economics RAS, Moscow, Russia. avernikov@hse.ru

(in Russian)

July 2012

We assess the effects from the industrial policy of growing state-controlled national champions on the Russian banking system, its concentration and competitiveness. Some light is shed on comparative financial performance of state-controlled banks versus other market participants. We also show that direct state ownership is being replaced by indirect ownership and control. The period of observations spreads from 2000 through 1Q 2012. We modify the method of calculating the indicators of market concentration to reflect public ownership of the core market players. As a result of this modification, most market segments cross the threshold of high concentration ($HHI \geq 0.25$), whereas household deposits market becomes close to monopoly. Supremacy of public banks enhances their market power and enables collecting rent that boosts profitability. In terms of institutional dynamics, we find a growing similarity between the Russian case and the evolution of the Chinese banking industry.

Key words: Russia; state-owned banks; public sector; industrial policy; national champions; market structure; concentration; HHI

JEL codes: G21, G28, L11, L13, P52

© Andrei Vernikov, 2012

Published in: *Voprosy ekonomiki*, 2013, No 3, pp.94-108.

А.В. Верников¹

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕМПИОНЫ» В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО РЫНКА БАНКОВСКИХ УСЛУГ²

Аннотация

Мы пытаемся оценить эффект от промышленной политики по выращиванию в России государственных банков – «национальных чемпионов» на степень концентрации и конкуренции. Затрагиваются вопросы сравнительной эффективности банков разной формы собственности и замены прямой государственной собственности на опосредованные формы владения. Период наблюдений – с 2000 по 1-й квартал 2012 г. Модифицировав способ расчёта двух основных показателей концентрации, мы получили, что основные сегменты рынка пересекли порог высокой концентрации ($HHI \geq 0.25$), а рынок депозитов физических лиц приблизился к состоянию монополии. Доминирование госбанков даёт им дополнительную рыночную силу и позволяет фактически собирать ренту, за счёт которой возрастает прибыльность. Что касается институциональной динамики, то мы видим нарастание содержательного сходства с эволюцией, которую претерпевает банковская система Китая.

Ключевые слова: Россия; банки; государственный сектор; промышленная политика; «национальные чемпионы»; структура рынка; концентрация

Классификация JEL: G21, G28, L11, L13, P52

1. Введение

К началу этого десятилетия большую часть банковских активов в России уже уверенно контролировали банки с участием государства, совокупная доля которых продолжает возрастать практически во всех сегментах российского рынка банковских услуг. Среди этих банков выделились три лидера - Сбербанк, ВТБ и Россельхозбанк. В литературе таких лидеров часто называют «национальными чемпионами» (см., например: [Bradshaw, 2009; Industrial Policy for National Champions, 2011]). Государство целенаправленно выращивает своих лидеров, оказывая им гласную и негласную поддержку различными инструментами – от пруденциального регулирования до прямых финансовых вливаний.

Мы полагаем, что феномен контролируемых государством «национальных чемпионов» заслуживает статистического и политико-экономического анализа. В данной статье рассматриваются некоторые показатели развития ведущих государственных банков. Мы пытаемся оценить эффект от промышленной политики государства на степень концентрации и конкуренции в банковской отрасли и предлагаем свою модификацию двух наиболее широко применяемых в литературе методов оценки концентрации рынка.

¹ Верников Андрей Владимирович. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт экономики РАН. Email: avernikov@hse.ru

² Статья опубликована в журнале «Вопросы экономики», 2013, № 3, с.94-108.

Консолидация долей рынка основных государственных банков позволяет по-новому взглянуть на уровень концентрации рынка банковских услуг в России и на развитие конкурентных отношений. Кроме того, в статье затрагиваются вопросы сравнительной эффективности банков разной формы собственности и то, каким образом – напрямую или косвенно – государство владеет своими основными банковскими активами. В частности, отмечается строительство в государственном секторе банковской системы корпоративных «пирамид» – банковских групп, в которых прямая государственная собственность на банки замещается непрямыми, опосредованными формами контроля и владения. Период наблюдений – с 2000 по 2012 год. Источниками статистических данных послужили публикации и интернет-сайт Банка России, РБК и самих банков.

Отдельные вопросы развития государственного сектора банковской отрасли уже затрагивались в публикациях автора [Верников, 2009; Vernikov, 2009; 2011]. Мотивацию к написанию данного текста автор черпал из трёх источников. Во-первых, это статья А. Карася, К. Схурса и Л. Вейла (2008) об эффективности государственных банков в России. Во-вторых, это работы по теории отраслевых рынков, исследующие структуру банковского рынка и конкурентные отношения на нём [Vives, 2001; Fungáčová, Poghosyan, 2009; Fungáčová, Solanko, Weill, 2010; *Industrial Policy for National Champions*, 2011; Anzoátegui, Martínez Pería, Melecky, 2012]. В-третьих, это последние разработки международных банковских регуляторов по выделению «системно важных финансовых учреждений» (SIFIs) и их регулированию [*Global Systemically Important Banks*, 2011].

Во *второй* части рассмотрены институциональные параметры государственного сектора банковской системы. В *третьей* части излагается наше видение политики государства по выращиванию своих банков-лидеров. *Четвертая* часть посвящена эффекту, который оказывает деятельность «национальных чемпионов» на уровень концентрации в банковском секторе России. В *пятой* части мы сопоставляем показатели деятельности банков разной формы собственности. *Шестая* часть подводит итоги.

2. Институциональные параметры государственного сектора банковской системы России

Политика российского государства в отношении «своих» банков была непоследовательной и противоречивой. После нескольких десятилетий монополии Госбанка СССР, в 1988-1991 гг. государство создало «спецбанки», но затем почему-то позволило менеджерам и другим инсайдерам провести «децентрализованную спонтанную приватизацию» [Schoors, 2003], то есть разграбление активов и инфраструктуры Промстройбанка, Агропромбанка и Жилсоцбанка. Вплоть до кризиса 1998 г. участие

государства в банковском секторе быстро сокращалась, однако с 1999 г. началось неуклонное восстановление позиций и выращивание нового поколения лидеров – Сбербанка России и ВТБ. Процесс ускорился в ходе очередного финансового кризиса (2008-2009 гг.). Банки с участием государства росли опережающими темпами, а также участвовали в поглощении частных банков.

Для оценки истинных масштабов участия государства в банковском секторе мы составили собственную выборку на основе информации и отчётности эмитентов ценных бумаг, раскрываемой самими банками и их владельцами. Не ограничиваясь крупнейшими банками, контрольный пакет акций которых принадлежит правительству и Банку России, мы искали следы участия в капитале коммерческих банков государства в лице органов власти, государственных корпораций, компаний и банков. Официальная статистика предоставляет весьма формальную, а не содержательную, разбивку российских компаний по формам собственности [Шпренгер, 2010], по которой к частным относится любая компания, среди акционеров которой нет государства или его органов. Поэтому опираться лишь на официальные источники было невозможно, и при составлении выборки неизбежно применялось авторское суждение. В качестве критерия «подконтрольности» того или иного банка государственному капиталу было взято пороговое значение 50% уставного капитала;³ при этом при расчёте доли рынка величина активов банков, более чем на 50% контролируемых государственным капиталом, учитывалась полностью.

Таблица 1. Российские банки, контролируемые государственным капиталом

<i>Кто контролирует свыше 50% капитала банка</i>	<i>Количество банков, на конец года</i>				
	<i>2000</i>	<i>2007</i>	<i>2009</i>	<i>2010</i>	<i>2011</i>
Прямая собственность, в т.ч.:	17	17	19	17	16
федеральные органы исполнительной власти и Банк России	6	4	4	4	4
правительства регионов и федеральных столиц	10	10	12	11	10
муниципальные органы власти	1	3	3	2	2
Непрямая государственная собственность, в т.ч. через:	18	22	28	24	22
«госкорпорации» (АСВ ^b и ВЭБ ^c)	0	2	8	8	6
государственные коммерческие банки	11	13	13	10	9
нефинансовые государственные компании	7	7	7	6	7
Всего	35	39	47	41	38

^a Агентство по страхованию вкладов; ^b Внешэкономбанк – Банк развития.

Источник: информация банков (квартальные отчёты эмитента, страницы в Интернет)

³ Мы консервативно берём 50 процентов за пороговый уровень контроля ввиду особенностей корпоративного управления в России.

В Табл.1 приведены данные о количестве банков, капитал которых, по нашим данным, был сформирован государственными по своему происхождению средствами. Достигнув своего пика (47 банков) в 2009 г., размер выборки затем стал сокращаться и к началу 2012 г. составил 38 банков, 16 из которых прямо контролировались органами государственного управления, а ещё 22 находились под косвенным контролем. Во вторую категорию вошли банковские учреждения, основным акционером которых являются «госкорпорации» (Агентство по страхованию вкладов – АСВ и Банк развития и внешнеэкономической деятельности – Внешэкономбанка), промышленные компании (Газпром, Роснефть, РЖД, Алроса), государственный банк (ВТБ) и другие банки с государственным участием (Газпромбанк, Транскредитбанк, Всероссийский банк развития регионов, Банк Москвы).

Доля контролируемых государством банков в совокупных активах банковского сектора повышалась на протяжении всего периода наблюдений, а не только после очередного финансового кризиса 2008 г. (Рис.1). К началу 2012 г. эта величина составила 55,8%⁴. К ней можно было бы добавить кредитные активы финансовых учреждений, не имеющих банковской лицензии, - например, Внешэкономбанка, то есть ещё до 2%.

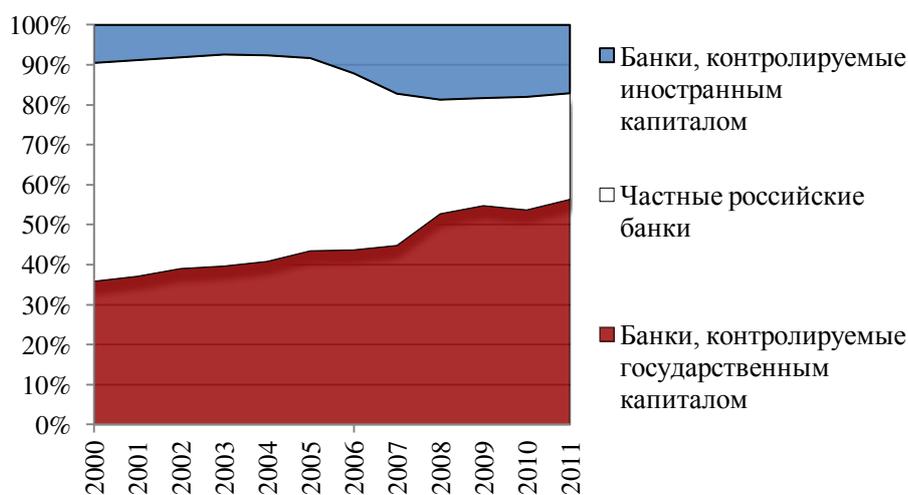

Рис. 1. Рыночная доля российских банков разной формы собственности (в % от совокупной величины активов коммерческих банков)

Источник: расчёты автора на основе финансовой отчётности банков, данных Банка России и РБК

Кризис 2008 г. заставил государство войти в капитал избыточного числа коммерческих кредитных организаций, но уже в 2010 г. начался новый откат, сокративший число

⁴ Приведённая нами оценка (55,8%) выше, чем опубликованная Банком России, -- 50,2% [Отчёт о развитии банковского сектора, 2012, с.26]. Мы объясняем это разным составом выборки – вероятно, Банк России не включил в свою выборку банки, контролируемые государственными компаниями.

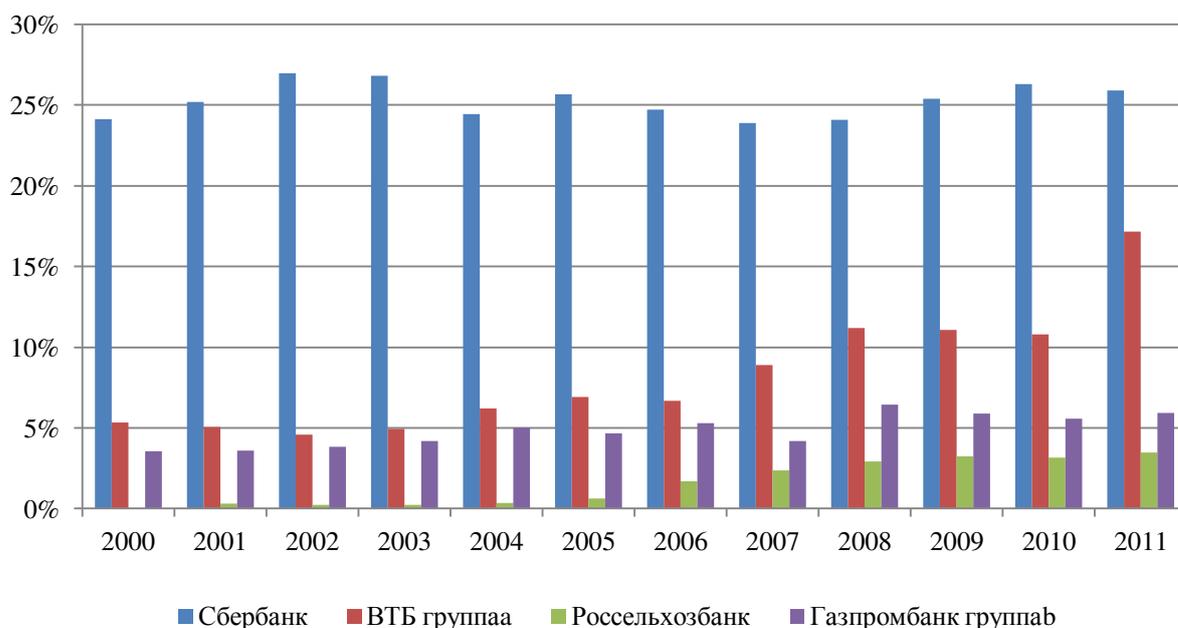
подконтрольных банков с 47 до 38. Летом 2011 г. правительство объявило о масштабной программе разгосударствления вплоть до 2017 г., которая должна затронуть и некоторые крупные банки с государственным участием [Газета.Ру, 17.06.2011]. Пока имела место скорее имитация приватизации: государство либо размещает на рынке миноритарные пакеты акций (Сбербанк⁵, ВТБ), либо вовлекает в состав акционеров государственные и близкие ему структуры – как отечественные, так и иностранные. Однако если речь не идёт о передаче контроля над банком от государства к *неаффилированным* частным компаниям и лицам, то такое изменение структуры капитала не должно считаться приватизацией. Даже при падении доли прямого участия ниже 50% государство имеет возможность остаться крупнейшим акционером и продолжить оказывать решающее влияние на банк. Заметим, что ОЭСР считает 10% голосующих акций порогом существенного государственного контроля [Guidelines on Corporate Governance, 2005].

3. Появление и развитие «национальных чемпионов» в банковской системе

Феномен «национальных чемпионов» в государственном секторе экономики развивающихся стран давно известен специалистам по экономике развития. Прямое участие государства в банках может аргументироваться интересами развития ввиду слабости частного капитала и масштабности задач инфраструктурного строительства. На самом деле госбанки используются как инструмент реализации преимуществ, даваемых политической властью, поэтому многие правительства стремятся обзавестись «своими» банками [La Porta, López-de-Silanes, Shleifer, 2002].

К началу 2012 г. в первую десятку российских банков по величине активов входили 6 банков, контролируемых государственным капиталом -- Сбербанк России (мажоритарный акционер – Банк России), ВТБ и Россельхозбанк (контролируются правительством), Газпромбанк, Банк Москвы и ВТБ24, причём некоторые из них оказались аффилированы между собой. Бесспорным лидером был и остаётся Сбербанк; год от года укрепляются рыночные позиции группы ВТБ и Россельхозбанка на фоне стагнации относительных показателей Газпромбанка (Рис.2).

⁵ Так, в 2012-2013 гг. доля Банка России в Сбербанке должна снизиться до 50% плюс 1 акция [Распоряжение, 2012].

^a В данные по группе ВТБ в соответствующие годы включались также ВТБ24, Банк Москвы и Транскредитбанк (после их консолидации)

^b В данные по группе Газпромбанка в соответствующие годы включались также Севергазбанк, ГПБ-Ипотека, Ноябрьскнефтекомбанк и Сибирьгазбанк

Рис. 2. Рыночная доля банков - «национальных чемпионов», доля в совокупных активах банковского сектора на конец соответствующего года

Источник: расчёты автора на основе данных Банка России (2012) и РБК (2012)

Таким образом, в госсекторе банковской отрасли России сформировались три лидера⁶, на которые в сумме приходится почти половина всех банковских активов страны. «Национальные чемпионы» госсектора составили де-факто третий промежуточный уровень банковской системы России, хотя номинально и де-юре существует только два уровня. Лидерство именно этих банков – Сбербанка, ВТБ и Россельхозбанка – сложилось при самом активном воздействии государства, которое задействовало для поддержки своих «чемпионов» все имеющиеся у него регуляторные и ресурсные возможности. На «большую тройку» пришлось более 80 процентов всех средств, направленных на рекапитализацию банков после финансового кризиса 2008 г. (725 млрд.руб. из 904 млрд.руб.). Государство поддерживает слияния и поглощения, проводимые «чемпионами» (прежде всего банком ВТБ), и предоставляет для этого свои ресурсы. Это началось уже в 2004-2005 гг., когда ВТБ поглотил Гута-банк и Промстройбанк С.-Пб. В 2011 г. ВТБ консолидировал Банк Москвы и Транскредитбанк при прямой поддержке государства.

⁶ Контроль федерального правительства и вообще государства над Газпромбанком носит сложный и опосредованный характер. В контексте данной статьи мы не рассматриваем Газпромбанк в числе государственных банков – «национальных чемпионов».

В России до 75% всех инвестиций в стратегические отрасли промышленности и в инфраструктуру ныне проходит через крупнейшие банки с государственным участием [Banking Sector Convergence, 2011, p.11]. В балансах каждого из трёх ведущих банков существенна доля политически-мотивированных активов – акций «дружественных» либо «стратегически важных» компаний, льготных кредитов определённым категориям получателей или выданных по специальным государственным программам, вложений в «престижные» инфраструктурные проекты, а также в недвижимость.

Группа ВТБ стала основным инструментом *зарубежной* экспансии государственного банковского капитала, создав к 2012 г. уникальную для российских банков международную сеть, насчитывающую свыше 20 банков и финансовых компаний в 19 странах мира. В большинстве случаев сеть создавалась посредством поглощений и приобретений⁷, финансовая целесообразность и параметры которых порождают сомнения среди экспертов. Выбор стран присутствия неслучаен: это ключевые для российской внешней политики страны Запада (Германия, Франция, Великобритания, Австрия) и Востока (Индия, Китай) либо постсоветские страны, на расширение влияния в которых рассчитывает политическое руководство (Украина, Белоруссия, Казахстан, Азербайджан, Армения, Грузия).

Нельзя не упомянуть и о такой специфической функции крупнейших государственных банков, как консолидация и воспроизводство элит. Общеизвестны многочисленные факты трудоустройства на руководящую работу в банки государственного сектора (включая госкорпорацию Внешэкономбанк) детей крупных российских чиновников, особенно из числа «силовиков».

Приведённые в предыдущем разделе количественные оценки предполагают корреляцию между собственностью и контролем, то есть государственное происхождение внесённых в капитал банка средств позволяет государству и его органам контролировать деятельность банка. На практике же государственное происхождение основной части капитала банка не гарантирует, что банк действует именно в интересах государства и государство извлекает пользу от этой деятельности; обычно имеет место контроль над банком со стороны инсайдеров (прежде всего топ-менеджеров) и отдельных властных группировок при игнорировании конечных интересов общества в целом и миноритарных акционеров. Из-за слабого контроля со стороны главного акционера возникает «бесхозность» этих банков [Тулин, 2010], из-за которой обостряется т.наз. агентская проблема, связанная с оппортунистическим поведением менеджеров. Это может выражаться в скрытом присвоении чужих ресурсов через кредитование аффилированных

⁷ С 2002 по февраль 2012 г. ВТБ приобрёл 12 банков, из них 4 в России, 3 в Европе и 5 в СНГ.

лиц, «размывание» доли мажоритарного акционера, прямое присвоение акций банка, невыгодные для банка торговые сделки со «своими» фирмами, и т.п. Так, в Банке Москвы, который слабо контролировался правительством Москвы, доля кредитов связанным сторонам (в основном топ-менеджерам и миноритарным акционерам самого банка) превысила 150% от величины капитала, хотя порогом относительной безопасности для финансового состояния банка считается 25%. Для спасения Банка Москвы потребовалось вливание в капитал в размере 100 млрд. руб. и беспроцентный кредит от Банка России через АСВ на 295 млрд. руб. [IMF, 2011, p.11].

По инициативе и при активном участии государства «национальные чемпионы» внесли вклад в строительство многоуровневых управленческих структур пирамидальной формы. Стоящий во главе такой структуры госбанк становится центром консолидации других кредитных организаций, при этом расширение круга подконтрольных государству банков обычно не улавливается статистикой. Свежий пример создания пирамидальной структуры - переход контроля над Банком Москвы от субъекта Российской Федерации к группе ВТБ, причём у Банка Москвы есть и свои подконтрольные банковские учреждения (Мосводоканалбанк, Бежица-банк, РНКБ и др.). Возникла четырёхуровневая структура управления: правительство – ВТБ – Банк Москвы – дочерние банки. В другом случае банк (Транскредитбанк) перешёл из-под контроля одной госкомпании (РЖД) к другой (банк ВТБ), то есть непрямая форма государственного владения сохранилась. Тенденция замены прямого государственного владения банками на опосредованное характерна для госсектора России в целом. На банки, принадлежащие другим госбанкам, государственным корпорациям и даже промышленным госкомпаниям, приходится уже около ¼ всех активов банков с государственным участием [Vernikov, 2012, p.254].

Чем больше уровней в пирамиде – тем слабее контроль за использованием средств государственного происхождения. Перевод банка из прямого государственного владения на более низкий уровень внутри «пирамиды» выгоден инсайдерам и может быть частью их стратегии «окапывания» (*entrenchment*) против внешних акционеров либо готовить условия для присвоения активов на очередном витке «приватизации». Вот примеры того, как это может происходить. В 2009 г. наблюдательный совет банка ВТБ одобрил выкуп блокирующего пакета акций менеджерами дочернего банка на Кипре (*Russian Commercial Bank*) под предлогом избавления от неприбыльного актива. Однако вскоре после сделки новые акционеры получили промежуточные дивиденды за вторую половину 2009 г., которые оказались больше уплаченной за акции цены, то есть либо актив оказался весьма прибыльным, либо цена акций заниженной. Летом 2011 г. Банк Москвы заявил, что сделка по продаже акций дочернего Эстонского кредитного банка не была санкционирована; в

результате сделки доля Банка Москвы в капитале ЭКБ снизилась с 43,79% до 16,22% [Газета.Ru, 22.08.2011].

Есть, впрочем, и аргументы «за» корпоративные пирамиды. Таким путём якобы можно добиться большей гибкости в управлении, сократить сроки принятия решений. Непрямая собственность государства сохраняет для компании доступ к общественным источникам средств,⁸ в то же время предоставляя более высокий иммунитет от волонтаристского вмешательства чиновников [Fan, Wong, Zhang, 2005; Okhmatovskiy, 2009]. Такие банки имеют возможность преследовать в своей политике прежде всего цель извлечения прибыли, не отвлекаясь на выполнение социальных, политических и иных неэкономических задач, к решению которых государство обычно привлекает свои крупнейшие банки. С точки зрения самих властей, не прямое владение позволяет преодолеть ограниченность управленческого ресурса, а также завуалировать истинные масштабы государственного участия в банковской системе, что позволяет претендовать на «рыночную нормальность» экономики России.

Характерно, что в официальных документах правительства и Банка России политика по выращиванию в госсекторе «национальных чемпионов» в явном виде не зафиксирована, то есть является имплицитной. В Стратегии развития банковского сектора на период до 2008 года госбанки упоминались лишь вскользь.⁹ В аналогичном документе на период до 2015 года, который был принят в апреле 2011 г., провозглашено сокращение участия государства в капиталах при сохранении контроля за деятельностью Сбербанка, ВТБ и Россельхозбанка, а также обязательство правительства и Банка России предпринять меры, направленные на поддержание равных условий для ведения бизнеса всеми кредитными организациями независимо от величины и формы собственности, в том числе кредитными организациями, контролируруемыми государством [Стратегия, 2011, п.5]. О приоритетном развитии двух-трёх «национальных чемпионов» и накачивании их государственными средствами в Стратегии не сказано ни слова, однако в реальности наблюдается именно это.

В других постсоциалистических странах Европы мы не находим аналогов российской системы государственных банков-лидеров рынка¹⁰. Содержательные элементы промышленной политики государства по выращиванию банков –

⁸ Как показал опыт 2008-2009 гг., в период кризиса приоритетный доступ к финансовой поддержке государства получают всё-таки банки, *напрямую* контролируемые государством.

⁹ «Правительство Российской Федерации рассмотрит вопрос о перспективах функционирования банков, контролируемых государством» [Стратегия, 2005, п. 23].

¹⁰ Можно усмотреть определённое сходство с лидерством *Nova Ljubljanska Banka* в Словении, банком *OTP* в Венгрии или *PKO BP* в Польше, но структура собственности и характер деятельности этих учреждений иные, чем у ведущих государственных банков в России.

«национальных чемпионов» в рамках госсектора весьма схожи с той политикой, которая проводится в Китае. Там тоже выделилась «большая четвёрка» подконтрольных государству банков – Agricultural Bank of China, Bank of China, China Construction Bank и Industrial and Commercial Bank of China, к которой впоследствии присоединился пятый банк – Bank of Communications. На эту лидирующую группу банков приходится 49,2 % всех активов кредитных учреждений. В Китае не пытаются делать вид, что для регулятора все имеющие лицензию банки абсолютно равны: «крупные коммерческие банки» выделяется в особую категорию в официальных статистических публикациях и годовых отчётах банковского регулятора [CBRC 2010 Annual Report, 2011, p.26, 150]. Это – особый уровень (*tier*) банковской системы Китая, самая её сердцевина, наряду с «политическими банками» и Китайским банком развития. Главной задачей считается модернизация госбанков и повышение эффективности их деятельности за счёт использования иностранных банковских технологий, привлечения иностранных инвесторов и улучшения корпоративного управления, а также расчистка балансов этих банков от регулярно накапливающихся «токсичных» активов. Как и в России, государство в Китае всемерно поддерживает зарубежную экспансию своих ключевых банков, преследуя при этом и чисто финансовые, и далеко идущие политические цели (о чём свидетельствует география присутствия).

На наш взгляд, выделение и приоритетное развитие «национальных чемпионов» в госсекторе России иллюстрирует происходящий сейчас дрейф в сторону китайской модели развития финансовой системы, хотя по политическим и пропагандистским соображениям это не афишируется. Видимо, при выборе институционального ориентира российские власти ориентировались на успехи, достигнутые банковской системой Китая под руководством четвёрки государственных банков. В Китае стабильность и надёжность этих банков укрепляет склонность людей к сбережениям, что в свою очередь подпитывает банки дешёвыми долгосрочными ресурсами. В России же перманентное реформирование госсектора подпитывает недоверие к банковской системе и нежелание людей делать долгосрочные сбережения. Китайская «большая пятёрка» по сути аналогична советским/российским «спецбанкам» первого поколения, но только в России «спецбанки» кроме Сбербанка были атомизированы и расхищены, а в Китае с 1979 г. развитие шло поступательно. Согласно уточнённой летом 2012 г. программе приватизации, российское государство планирует *полностью* выйти из капитала ВТБ и Россельхозбанка до 2016 г.

[Распоряжение, 2012]¹¹. Смысл этих планов нам непонятен. Впрочем, лично-семейные связи могут обеспечить сохранение банка в орбите государственных интересов (т.е. интересов того или иного правящего клана) и после того, как участие собственно государства в капитале упадёт ниже контрольного порога.

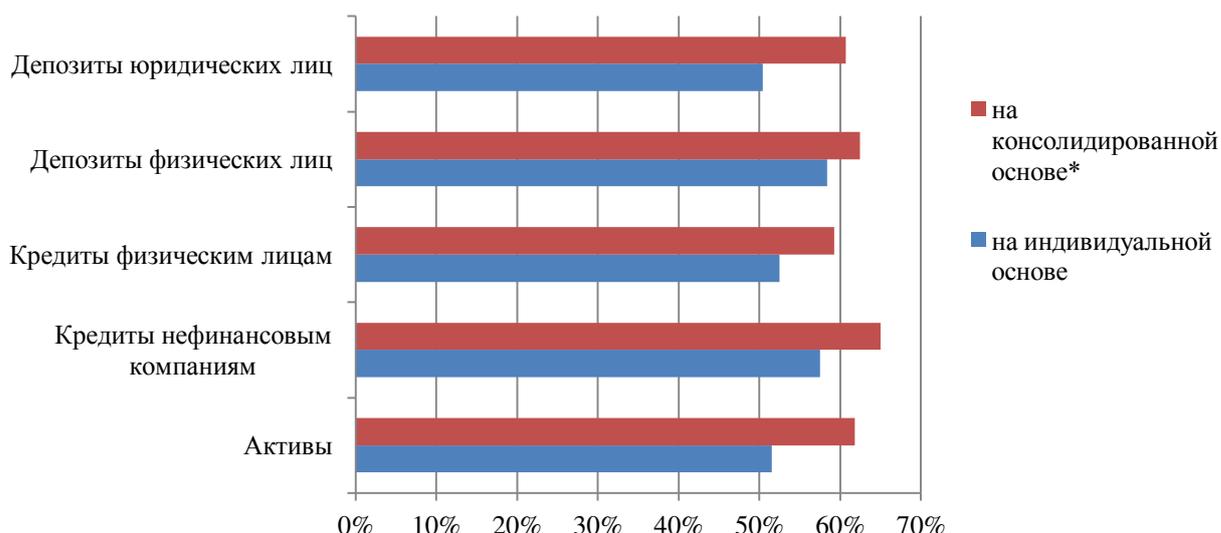
4. Рост концентрации на рынках банковских услуг

Появление сильных лидеров изменило конфигурацию банковской отрасли России. Принято считать, что уровень концентрации в России является средним по меркам европейских стран. По расчётам исследователей австрийского Raiffeisenbank, к концу 2010 г. на пять крупнейших банков приходилось чуть более половины всех банковских активов России, тогда как средний показатель по постсоциалистическим странам Центральной Европы составил 62%, Юго-Восточной Европы – 58%. На Украине и в Польше уровень концентрации ниже, чем в России, - 40% и 45%, соответственно, а в Белоруссии, Чехии и Венгрии выше - 80%, 63% и 59% [Banking Sector Convergence, 2011, p.9-10].

Мы предлагаем альтернативный способ расчёта показателя концентрации. Если предположить, что крупнейшие из банков, контролируемых государством (Сбербанк России, ВТБ с его дочерними банками и Россельхозбанк), представляют собой связанную группу, контролируемых одним лицом (федеральными органами власти), то их рыночные доли в аналитических целях можно консолидировать и условно считать принадлежащими одному участнику рынка¹². Тогда суммарная доля рынка, приходящаяся на 5 крупнейших игроков, увеличится на несколько процентных пунктов, перейдя 50%-ный порог, отделяющий монополистическую конкуренцию от монополии (Рис.3), а это уже означает качественное изменение структуры рынка.

¹¹ Есть вероятность того, что вместо продажи части государственного пакета сокращение государственного участия в капитале пройдёт через дополнительную эмиссию акций в пользу новых внешних акционеров [Коммерсантъ, №131 (4916), 19.07.2012].

¹² Метод консолидации широко применяется при составлении и аудите финансовой отчётности согласно Международных стандартов финансовой отчётности. Его смысл состоит в комплексном анализе деятельности связанных между собой сторон, прежде всего материнской фирмы и дочерних и зависимых обществ.

* Сумма рыночных долей Сбербанка, ВТБ, Россельхозбанка, ВТБ24, Банка Москвы и Транскредитбанка считается долей рынка, принадлежащей одному участнику

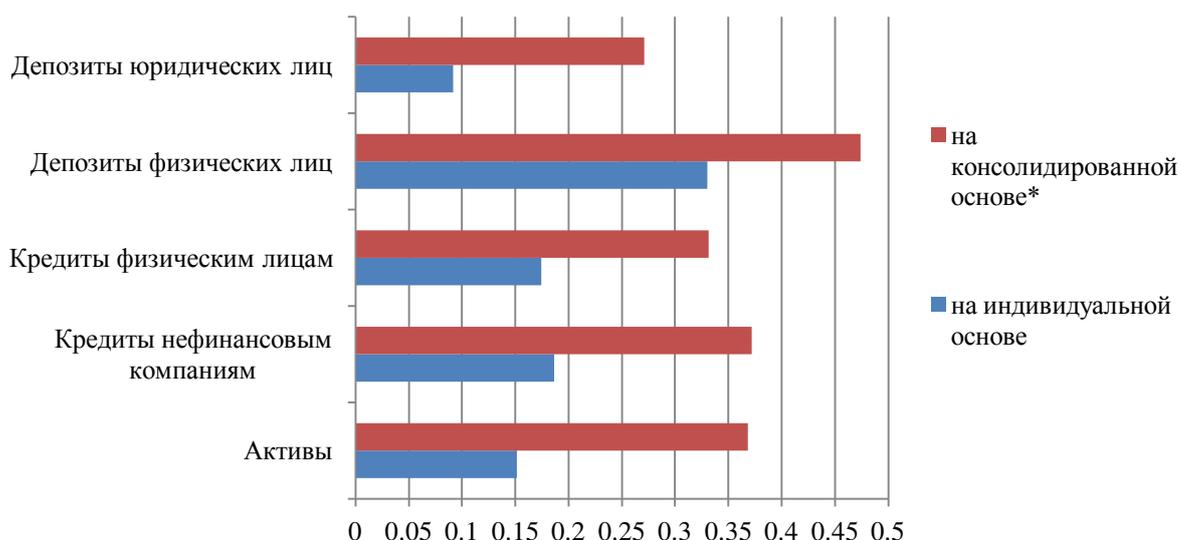
Рис. 3. Уровень концентрации в банковском секторе России (доля рынка, приходящаяся на 5 крупнейших участников), на 1 апреля 2012 г.

Источник: расчёты автора по данным РБК (2012)

Если измерять концентрацию через индекс Херфиндаля-Хиршмана (HHI)¹³ на неконсолидированной основе, то, по данным Банка России, к концу 2011 г. среднее значение HHI по совокупным активам и по капиталу банков находилось на низком уровне (0,092 и 0,101 соответственно), по кредитам нефинансовым компаниям – на среднем уровне (0,133) и лишь по вкладам физических лиц (0,225) превышало порог высокой концентрации, хотя и с понижающей динамикой за последние три года (Отчёт о развитии банковского сектора, 2012, с.17).

Теперь применим метод консолидации для измерения концентрации через индекс Херфиндаля-Хиршмана. Сегменты рынка, ранее представлявшие нам дисперсными (т.е. имевшие значения HHI ниже 0,15), оказываются не просто умеренно-концентрированными, но пересекают порог высокой концентрации ($HHI \geq 0.25$), а рынок депозитов физических лиц вообще приближается к состоянию монополии (Рис.4).

¹³ Индекс Херфиндаля-Хиршмана (HHI) показывает степень концентрации рынка и рассчитывается как сумма квадратов рыночных долей каждого из участников рынка (где d_i – доля рынка фирмы i). HHI варьирует от 0 до 1.

* Сумма рыночных долей Сбербанка, ВТБ, Россельхозбанка, ВТБ24, Банка Москвы и Транскредитбанка считается долей рынка, принадлежащей одному участнику

Рис. 4. Уровень концентрации в банковском секторе России (значения индекса Херфиндаля-Хиршмаша), на 1 апреля 2012 г.

Источник: расчёты автора по данным РБК (2012).

По мнению экспертов Международного валютного фонда, нынешний рост концентрации может быть результатом кризиса и посткризисной консолидации банковской отрасли, которая укрепила в первую очередь позиции крупных государственных банков и тем самым ослабила конкуренцию [IMF, 2011, p.5].

5. Показатели деятельности ведущих государственных банков

В Табл.2 приводится описательная статистика банков разной формы собственности. Любой из «национальных чемпионов» в среднем на два порядка крупнее остальных российских банков по величине валюты баланса и кредитного портфеля. Что касается структуры баланса, то доля кредитов в активах почти одинаковая, а удельный вес вложений в ценные бумаги у госбанков в среднем немного ниже. Государственные банки в основном специализируются на кредитовании юридических лиц, при этом они в гораздо меньшей степени зависят от депозитов населения как источника ресурсов, так как имеют доступ к финансовым рынкам и другим ресурсам, более привлекательным по стоимости, чем частные вклады. Коэффициент покрытия кредитов депозитами у госбанков ниже 1, в основном за счёт показателя по банку ВТБ, у которого много некредитных активов.

Таблица 2. Описательная статистика выборки российских банков (на 1 апреля 2012 г.)

	Ведущие государственные банки (N=3)*		Все остальные банки (N=497)	
	Среднее значение	Станд. отклонение	Среднее значение	Станд. отклонение
Активы, млрд.руб.	5488	5216	45	157
Кредитный портфель, млрд.руб.	2947	3318	22	71
Кредиты / Активы, %	47,1	13,6	47,8	...
Кредиты юр.лицам / Общий кредитный портфель, %	84,2	14,4	78,6	49,4
Вложения в ценные бумаги / Активы, %	7,65	1,14	11,26	...
Депозиты физлиц / Общий депозитный портфель, %	29,2	35,5	55,3	21,0
Кредиты / Депозиты	0,95	0,125	1,15	...

* Сбербанк России, ВТБ и Россельхозбанк

Источник: расчёты автора на основе данных РБК (2012)

Сравнительной эффективности банков, представляющих разные формы собственности, посвящены, в частности, работы Дж. Барта, Дж. Каприо и Р. Левина [Barth, Caprio, Levine, 2004] и Дж. Бонина, И. Хасана и П. Вахтеля [Bonin, Hasan, Wachtel, 2005]. Тезис о том, что государственные банки «по определению» менее эффективны, чем частные и тем более контролируемые иностранным капиталом, стал общим местом в теоретической литературе и неоднократно проверялся эмпирически, в том числе на материале переходных экономик Центральной и Восточной Европы. Однако данные по России не всегда подтверждают эту гипотезу. В 2010 г. А. Карась, К. Схурс и Л. Вейл заметили, что государственные банки не уступают частным по финансовой эффективности [Karas *et al.*, 2010], а в 2012 г. это вновь проиллюстрировали данные Банка России (Табл.3) и отчётность самих банков.¹⁴

¹⁴ По средней рентабельности банковского капитала в 2011 г. английский журнал *The Banker* поместил Россию на пятое место в мире [The Banker, July 2012], и драйвером этой величины стали показатели банков с госучастием. На начало июля 2012 г. рентабельность капитала Сбербанка составила 26,3% против 30,6% на аналогичную дату предыдущего года.

Таблица 3. Рентабельность банков в России, %

	Рентабельность активов (ROA)			Рентабельность капитала (ROE)		
	2009	2010	2011	2009	2010	2011
Все банки	0,7	1,9	2,4	4,9	12,5	17,6
Банки, контролируемые государством ^a	0,7	2,4	2,8	4,3	14,8	20,6
Банки, контролируемые капиталом нерезидентов	1,1	2,1	2,4	8,3	14,5	17,4
Крупные частные банки	0,4	1,1	1,7	3,2	8,4	14,2
Средние и малые банки, московский регион	1,2	1,4	1,5	5,2	6,7	8,0
Средние и малые банки, другие регионы	1,1	1,5	1,7	6,2	9,8	10,4

^a Определение Банка России. Вероятно, включает банки в прямой собственности государства и госкорпораций.

Источник: Отчёт о развитии банковского сектора, 2011, с.25-26; то же, 2012, с.29-30.

В России госбанки стали лидерами по ещё одному важному показателю эффективности – соотношению операционных расходов к операционной прибыли. В 2011 г. средневзвешенная по трём ведущим госбанкам (без дочерних и аффилированных учреждений) составила 45%, тогда как по ведущим банкам с иностранным участием – 63%, по частным российским банкам – 74% (расчёты автора).

Ключом к пониманию нестандартных, с точки зрения экономической теории, сравнительных показателей эффективности является рыночная сила государственных банков. Д. Ансоатеги, М.-С. Мартинес Перия и М. Мелецки [Anzoátegui, Martínez Pería and Melesky, 2012] изучили конкурентность российского банковского сектора с помощью неструктурных методов анализа, не связанных прямо с показателями структуры рынка и концентрации. Их вывод: 20 крупнейших участников рынка и государственные банки обладают большей рыночной властью, чем банки меньшего размера и частные банки, то есть могут устанавливать цены, в большей мере отличающиеся от своих предельных издержек. Лидерство крупных банков с госучастием в различных сегментах рынка придаёт конкуренции монополистический характер. Конкурентная среда, в которой действуют эти банки, искажена поддержкой государства и наличием «административного ресурса».¹⁵ Важнейшее преимущество госбанков – это их «мягкие бюджетные ограничители» (*soft budget constraint*) в том смысле, что независимо от финансовых

¹⁵ Есть много примеров того, как госбанки административными методами делили рынок в свою пользу и заставляли клиентов переходить к ним на обслуживание.

результатов деятельности такой банк не обанкротится; государство придёт ему на помощь и вольёт свежие средства. В результате значительная часть получаемой госбанками прибыли может, по сути дела, представлять собой *ренту*. Но в таком случае прямое сопоставление показателей финансовой эффективности с другими группами банков малоинформативно, и применение теории отраслевых рынков вряд ли позволит верно смоделировать поведение госбанков.

Ещё одно возможное объяснение различий в финансовой эффективности относится к достоверности финансовой отчётности у крупнейших госбанков по сравнению с остальными участниками рынка.¹⁶ Возможно, правила пруденциального банковского регулирования применяются к банкам разных категорий с разной степенью строгости.

Эмпирические исследования по разным странам, включая Россию, показали, что кредиты государственных банков менее подвержены цикличности, и в период низкой хозяйственной конъюнктуры госбанки сокращают кредитование в меньшей степени, чем другие участники рынка, стабилизируя тем самым национальную экономику [Fungáčová, Herrala, Weill, 2011; Bertay, Demirgüç-Kunt, Huizinga, 2012]. Правда, качество кредитов, выдаваемых государственными банками, что служит аргументом против использования этих кредитов в краткосрочных целях оживления экономики [Bertay *et al.*, 2012].

Эффективность ведущих госбанков не сводится к финансовой эффективности, выражаемой через традиционные показатели отдачи на капитал, рентабельности активов, соотношения накладных расходов и операционной прибыли. Эти учреждения время от времени выполняют от имени и по поручению правительства и центрального банка специфические функции из области экономической политики – такие, как подпитка ликвидностью обычных коммерческих банков, приобретение и удержание на своём балансе непрофильных активов (промышленных, инфраструктурных и т.д., вплоть до медийных). Правительство привлекает ведущие госбанки и к решению иных своих задач, относящихся к сфере политики, пропаганды, дипломатии и т.п. Всё это осложняет измерение эффективности ведущих госбанков, если под этим понимается совокупный эффект, получаемый стэйкхолдерами от деятельности банка. Исследование этого неоднозначного вопроса пока находится в самом начале [Бабаев, 2010; Конягина, 2011].

¹⁶ До 2011 г. в финансовой отчётности Банка Москвы не раскрывалась в должной мере величина кредитов связанным сторонам и качество этих кредитов. Это позволяло не создавать необходимые резервы под них и отчитываться о значительной балансовой прибыли, хотя на само деле в балансе уже была «дыра». Характерно, что международные аудиторы «не замечали» этого явления.

6. Заключение

Анализ сдвигов, произошедших в структуре российского рынка банковских услуг за 2000-2012 гг., показывает, что в государство фактически проводит в данной сфере структурную (промышленную) политику по формированию своих «национальных чемпионов». На Сбербанк России, ВТБ, Россельхозбанк и аффилированные с ними банки приходится уже половина всех банковских активов и сопоставимая доля на отдельных продуктовых рынках, причём рост продолжается. Считать это явление естественным и случайным у нас нет оснований: государство самыми различными способами поддерживает и укрепляет свои ведущие банки, помогает их внутренней и внешней экспансии. Реализуемая промышленная политика не зафиксирована в явной форме в официальных документах и решениях; её цели и оценка их достижения остаются вне общественного контроля.

Благодаря деятельности трёх «национальных чемпионов» рынок банковских услуг уже сегодня оказался гораздо более концентрированным, чем это принято считать. Исходя из того, что у ведущих банков с госучастием в конечном счёте один и тот же бенефициар, мы в аналитических целях сложили (консолидировали) их рыночные доли и рассчитали коэффициент концентрации (топ-5) и индекс Херфиндаля-Хиршмана. По новой методике расчёта основные сегменты рынка пересекли порог высокой концентрации ($HHI \geq 0.25$), а рынок депозитов физических лиц вообще приблизился к состоянию монополии.

Исследователи пока затрудняются логично объяснить специфически-российский феномен – более высокую финансовую эффективность государственных банков по сравнению с частными, что противоречит теоретической и эмпирической литературе. Мы предлагаем анализировать это явление сквозь призму структуры рынка, поскольку доминирование госбанков даёт им дополнительную рыночную силу и позволяет фактически собирать ренту, за счёт которой возрастает прибыльность.

Институциональные и структурные различия в банковской сфере между Россией и европейскими переходными экономиками сохраняются. Между тем, если отбросить внешний декор и пропаганду, то видно растущее содержательное сходство с эволюцией системы государственных банков в Китае. Такая институциональная динамика – дрейф в сторону китайской модели банковской системы – опять-таки открыто не признаётся, а официальная политика провозглашает акцент на либерально-рыночных изменениях (конкуренция, приватизация и т.п.). На наш взгляд, намеченный выход государства из капитала ВТБ и Россельхозбанка не укладывается в глубинную логику системы и нанесёт вред.

Литература

- Бабаев С.С. Эффективность деятельности банков с государственным участием (на примере ОАО «Сбербанк России»). Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М., 2010.
- Верников А.В. Доля государственного участия в банковской системе России // *Деньги и кредит*. 2009. № 11. С.4-14.
- Конягина М.Н. Реализация целевых функций банков с государственным участием с использованием механизма корпоративного управления. Автореф. дисс. ... док. экон. наук. С.-Пб., 2011.
- Отчёт о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2010 году. М.: Банк России, 2011.
- Отчёт о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2011 году. М.: Банк России, 2012.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 июня 2012 г. № 1035-р.
- Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2008 года. М.: 2005. <http://www1.minfin.ru/ru/regulation/bank/strategy/printable.php?print=1>
- Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года. М.: 2011.
- Тулин Д.В. Государственные банки: вопросы корпоративного управления // *Аналитический банковский журнал*. 2010. № 4(178). С.34-40.
- Шпренгер К. Государственная собственность в российской экономике. Часть 1. Масштаб и распределение по секторам // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2010. № 6. С. 120-142.
- Anzoátegui D., Martínez Pería M.S., Melecky M. (2012), Bank competition in Russia: An examination at different levels of aggregation // *Emerging Markets Review* **13**(1): 42–57.
- Banking Sector Convergence 2.0. CEE Banking Sector Report 2011* (2011), Raiffeisen Bank International AG, Vienna.
- Barth J., Caprio G., Levine R. (2004), Bank supervision and regulation: What works best? // *Journal of Financial Intermediation* **13**, 205-48.
- Bertay A.C., Demirgüç-Kunt A., Huizinga H. (2012), Bank ownership and credit over the business cycle: Is lending by state banks less procyclical? // *World Bank Policy Research Working Paper* No. 6110.
- Bonin J., Hasan I., Wachtel P. (2005), Bank performance, efficiency and ownership in transition countries // *Journal of Banking and Finance* **29**(1): 31-53.
- Bradshaw M. (2009), The Kremlin, national champions and the international oil companies: The political economy of the Russian oil and gas industry // *Geopolitics of Energy* **31**(5):2-14.
- China Banking Regulatory Commission 2010 Annual Report*. Beijing: CBRC, 2011.
- Fan J.P.H., Wong T.J., Zhang T. (2005), The emergence of corporate pyramids in China // Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=686582>.
- Fungáčová Z., Poghosyan T. (2009). Determinants of bank interest margins in Russia: Does bank ownership matter? // *BOFIT Discussion Papers* DP 22/2009. Bank of Finland. Helsinki.
- Fungáčová Z., Solanko L., Weill L. (2010), Market power in the Russian banking industry // *International Economics* **124**(4):127-145.

- Fungáčová Z., Herrala R., Weill L. (2011), The influence of bank ownership on credit supply: evidence from the recent financial crisis // *BOFIT Discussion Papers* DP 34/2011. Bank of Finland, Helsinki.
- Global Systemically Important Banks: Assessment Methodology and the Additional Loss Absorbency Requirement* (2011), Basel Committee on Banking Supervision. Basel: Bank for International Settlements, July 2011.
- Guidelines on Corporate Governance of State-Owned Enterprises* (2005), Organisation for Economic Co-operation and Development, Paris, 2005.
- Industrial Policy for National Champions* (2011), Falck O., Gollier Ch., Woessmann L. (Eds.) / CESinfo Seminar Series, Massachusetts Institute of Technology. Boston, MA, USA.
- Karas A., Schoors K., Weill L. (2008), Are private banks more efficient than public banks? Evidence from Russia // *BOFIT Discussion Papers* DP 3/2008. Bank of Finland. Helsinki.
- La Porta R., López-de-Silanes F., Shleifer A. (2002), Government ownership of banks // *Journal of Finance* **57** (1): 265-301.
- Okhmatovskiy I. (2009), Performance implications of ties to the government and SOEs: A political embeddedness perspective // *Journal of Management Studies* **47**(6): 1020–1047.
- Schoors K. (2003). The fate of Russia's former state banks: Chronicle of a restructuring postponed and a crisis foretold // *Europe-Asia Studies* **55**(1): 75-100.
- Vernikov A. (2009). Russian banking: The state makes a comeback? // *BOFIT Discussion Papers* DP 24/2009. Bank of Finland. Helsinki.
- Vernikov A. (2012), The impact of state-controlled banks on the Russian banking sector // *Eurasian Geography and Economics* **53**(2): 250-266.
- Vives X. (2001), Competition in the changing world of banking // *Oxford Review of Economic Policy* **17**(4): 535-547.